

В. В. Кривошеев

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: ВОЗМОЖНОСТЬ НЕГАТИВНОГО ПРИМЕНЕНИЯ

88

Обосновано концептуальное положение о том, что слагаемыми социального капитала могут быть не только позитивные, но и негативные элементы. Большинство исследователей, в том числе экономистов, социологов, психологов, фиксируя важность формирования и развития человеческого капитала в современном обществе, основное внимание уделяют его позитивному наполнению и применению. Автор, не отвергая данного подхода, предлагает исходить из того, что задатки и способности, образование, волевые установки, ценностные предпочтения человека, то есть все то, что может быть включено в личностный капитал, могут быть использованы не только во благо общества, социальных групп, но и против социума, приносить ущерб социальным связям, отношениям, приводить к десоциализации личности. При этом многое зависит от ценностных доминант, характеризующих состояние общества в данный момент его развития. Если в социуме начинают господствовать корыстолюбие и представление о финансах как единственном условии успеха, имеющийся личностный капитал начинает использоваться антисоциальным способом. Задача социологии, как и других социальных и гуманитарных наук, заключается в том, чтобы выявлять неблагоприятные тенденции не только в процессе формирования личности, но и в социальных процессах в целом, чтобы своевременно направлять творческий потенциал личности, ее социальный капитал в позитивное русло.

The author justifies a conceptual provision that social capital can be composed of not only positive but also negative elements. Most researchers, including economists, sociologists, and psychologists stress the importance of the formation and development of human capital in modern society. However, they focus on the positive content and application. Without rejecting this approach, the author proposes to proceed from the assumption that the inclination and abilities, education, will, value preferences of the individual, i.e. everything that can be included in the personal capital, can be used not only for the benefit of society, social groups but also against it. Negative social elements can damage social connections and relations and lead to desocialisation of the individual. At the same time, the value dominants that characterize the state of society at the moment of its development play an important role. For instance, if selfishness and money as the only conditions for success begin to dominate in society, the available personal capital starts to be used in an anti-social way. The task of sociology, together with other social and human sciences, is to identify adverse trends not only in the process of personality formation but also in social processes as a whole, in order to timely redirect the creative potential of the individual, his or her social capital and use it for the benefit of society.

Ключевые слова: социальный капитал, человеческий фактор, элементы социального капитала, социализация, состояние общества, ценностные доминанты в обществе.

Keywords: social capital, human factor, elements of the social capital, socialization, condition of society, valuable dominants in society.

Введение

В современном обществе в качестве важнейшего ресурса его развития все в большей мере рассматривается человеческий капитал. Впервые эту категорию, раскрывающую существенные характеристики личности, использовали экономисты. Г. Беккер, например, детально обосновал важность инвестиций в образование, здравоохранение с целью увеличения такой специфической формы капитала, как человеческий, а значит и большей способности индивида трудиться с возрастающей отдачей. Поясняя свое видение важности капиталовложений в социальную сферу общества, он, в частности, отмечал: «У меня нет иллюзий, что это мое исследование проникнуто стремлением показать необходимость изучения экономических последствий образования и других инвестиций в человеческий капитал» [15, с. 235]. Как видим, акцент делается на сугубо экономической отдаче человеческого капитала. Более того, специалисты в сфере менеджмента прямо указывают, что «в то время как ценность материальных ресурсов организации со временем снижается вследствие амортизации, ценность людских ресурсов может и должна расти» [13, с. 487].

Но понятие *человеческий капитал* насыщалось все более емким содержанием, обнаруживая взаимозависимость различных ресурсов, которыми может обладать индивид. П. Бурдьё, например, показал наличие различных форм капитала, включая и социальный. Он утверждал, что капитал существует «в трех основных обличиях: экономического капитала... культурного капитала... социального капитала, образованного социальными обязательствами (“связями”) [connections], который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован, например, в форме аристократического титула» [2, с. 60]. Нетрудно заметить, что для французского социолога социальный капитал соотносится с включенностью человека в многообразные связи, отношения, зависимости, которые могут помочь ему решать и свои материальные проблемы. По сути, это же утверждает и Г. Лоури. Он считает, что многое в формировании социального капитала зависит от социального контекста, от места человека в социальной системе: «...абсолютное равенство возможностей, когда шанс индивидуума на успех зависит только от его компетентности, является идеалом, который не может быть достигнут...» [21, с. 161].

Интерес представляет и исследование межстрановых различий в рассмотрении социального капитала. М. Белманн с коллегами, измеряя социальный капитал с точки зрения наличия доверия между людьми и неформальных социальных сетей, пришли к выводу, что в показателях

социального капитала было обнаружено менее 10 % различий между европейскими странами. С их точки зрения, это означает, что уровень социального капитала варьируется скорее между отдельными людьми, чем между странами [16]. Речь, правда, идет о различиях в пределах одной цивилизации — европейской. Своего рода примирением позиции экономистов и гуманитариев выглядит точка зрения Б. Г. Юдина, который считает, что понятие человеческого потенциала включает в себя понимание человека и как ресурса, и как капитала, но вместе с тем позволяет отразить представление о самооценности человека [14, с. 9].

В российском обществе исследователи, фиксируя важность роли индивида на современном производстве, в управлении сложнейшими техническими системами одно время, особенно с середины 1980-х гг., стали активно употреблять близкое к термину *человеческий капитал*, но не идентичное ему по содержанию понятие «человеческий фактор». Оно фокусировало внимание на необходимости придавать все более активную роль человеку на производстве, в экономической сфере общества. С точки зрения академика Т. И. Заславской, например, это в наибольшей степени соответствовало социальной ситуации начала 1980-х гг., когда все очевиднее становилось, что недостаточно эффективно использовался живой труд [6, с. 13].

Но и в понятие «человеческий фактор» стали вкладывать больший смысл, чем в понятия «рабочая сила» и «трудовые ресурсы». Исследователи (Р. Лайкерт, М. Х. Мескон и др.) отмечали, что человеческий капитал даже более ценен, чем материальный. Поэтому личностный фактор имеет особое значение как для развития общества в целом, так и для каждой социальной организации в отдельности. Так, результаты исследований Р. Лайкерта показали, что необходимо разработать методы учета, которые отражали бы экономическую эффективность возможностей человеческого капитала каждого предприятия [20, р. 28–31].

Но все же и экономисты, и социологи, как и представители других отраслей знания, в понятии *человеческий капитал* выделяли лишь его позитивные слагаемые. Говоря о необходимости совершенствования системы образования и здравоохранения, развития межличностных связей в различных социальных организациях, ученые в основном видели факторы повышения отдачи этого специфичного капитала, сами способности и задатки индивида рассматривали лишь с точки зрения их положительной социальной направленности. Предлагаемые в данной статье концептуальные построения нацелены на переосмысление сущностных черт социального капитала и его использования.

Методология и методы

В качестве методологической основы автором выбран институциональный подход. При рассмотрении человеческого капитала как важного социального института современного общества необходимым представляется одновременное выстраивание всестороннего анализа всех элементов этого системного феномена, не исключая такие его слагаемые, которые могут способствовать деградации социальных взаимо-

действий, приводить к элиминации позитивных качеств личности, в конечном счете нарушать целостность социальных систем. Исходя из этого, предлагается концепция негативного применения человеческого капитала. В статье используется метод вторичного анализа данных, содержащихся в результатах исследований отечественных и зарубежных ученых. Автор опирается также на данные статистики.

Антисоциальное применение человеческого капитала

Анализ многочисленных источников позволяет сделать вывод, что авторы рассматривают человеческий капитал исключительно в позитивном ключе. При этом, когда этот социальный феномен анализируется вне экономического подхода, фиксируются, например, наряду со знаниями, компетенциями такие его составляющие, как преодоление эгоизма [24], укрепление доверия между людьми [12]. Интерес представляют даже размышления о ситуации в школах небольших общинных поселений, где и начинается формирование социального капитала, возникают отношения солидарности между людьми [18]. Возникновение социального капитала, его увеличение связывается с взаимодействиями участников социальных связей. Но, сформировавшись, этот капитал одновременно создает основу для коллективных действий [1, с. 109].

Достаточно большой диапазон точек зрения, которые содержат указание и на отдельные вполне конкретные элементы социального капитала, и на его разнообразные проявления, и на условия формирования, дает основание заключить, что само понятие *человеческий капитал* является очень пластичным, трудно определяемым в более или менее однозначных категориях [19]. Это и позволяет включать в него самые разные феномены: уровень образования и состояние физического здоровья индивида, его связи и взаимодействия, степень доверия к человеку. Р. Патнэм выделяет функции человеческого капитала, среди которых – повышение эффективности коллективной деятельности, снижение транзакционных издержек, формирование у людей благожелательного отношения к людям и другие (такие же положительные) [23]. Как видим, функции также рассматриваются исключительно в позитивном их наполнении. Патнэм различает два измерения социального капитала: структурное – формальные и неформальные социальные сети; культурное – создание социальных норм, прежде всего норм взаимности, обеспечивающих общее доверие участников контактов [10, с. 141].

Дж. Коулмен, хотя и с экономических позиций, обращает внимание на рациональность поведения, присущую индивиду, который использует свой социальный капитал в ходе взаимодействия с другими для роста собственного благосостояния. По мнению Коулмена, «подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен... способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно» [7, с. 124]. Интерес для нас в данном утверждении представляет акцент на определенном проявлении рационализма в поведении человека: индивид может использовать и связи, и свои спо-

способности для максимального извлечения выгоды. На первый взгляд, ничего негативного в этом нет. Каждый человек стремится увеличить свой достаток, используя весь свой потенциал действующего субъекта. И все же такой подход в его крайнем выражении свидетельствует о том, что социальный капитал в личностном воплощении может применяться сугубо в эгоистических целях, вне сопряжения с интересами других индивидов, социальных групп, общества в целом. А в условиях атомизации российского общества, которая фиксируется давно, с начала кардинальной трансформации социума, стимулирующей ориентацию индивида лишь на свои потребности, такое поведение может приводить к существенным издержкам и напряжениям в социальной среде, в обществе в целом. Уже в середине 1990-х гг. констатировалось, например, что до 60 % респондентов в общероссийских исследованиях благополучие человека связывают лишь с установками на собственное действие [9, с. 23]. Понятно, что действие индивидуально, но социальный капитал остается таким ресурсом, который индивид постоянно должен соотносить со своим окружением. Индивид обладает социальным капиталом по отношению к другим, и эти другие должны действительно являться источниками удовлетворения его потребностей [3, с. 38].

Неслучайно поэтому, как представляется, в качестве альтернативы социальному капиталу начинают использовать понятие «социальная рента». Социальная рента определяется как такие выгоды, которые извлекаются индивидами благодаря положению в той или иной социальной среде независимо от их труда и капитала [4, с. 31]. Принципиально, с нашей точки зрения, в этом определении указание на выгоды, которые могут быть получены вне связи с собственными усилиями человека.

Итак, социальный капитал не только свидетельствует о разнообразном потенциале его обладателя (знания, навыки и т. п.), но и возникает и реализуется в ходе взаимодействий индивидов, сигнализируя о рациональности действий человека, стремлении извлечь для себя максимальную пользу. Теперь рассмотрим, насколько позитивным феноменом может быть социальный капитал, причем применительно как к личности, так и к социальной организации.

Возьмем прежде всего такое бесспорное слагаемое социального капитала, как образование. Действительно, и в традиционном обществе, и (особенно) в современном социуме этот ресурс позволяет человеку включаться в общности, обеспечивать свой карьерный рост, решать многие задачи приобщения к материальным и духовным богатствам. Но нетрудно заметить, что обладание знаниями и компетенциями может быть использовано и не на пользу обществу, привести к разрушению позитивных связей человека. Если даже подходить к рассмотрению социального капитала сугубо экономически, то и тогда понятно, что сам капитал, то есть наличные ресурсы, пущенные в оборот и дающие приращение средств, может быть инвестирован отнюдь не в благих целях. Скажем, индивид является весьма грамотным специалистом, детально разбирающимся в информационных технологиях. Он может использовать свои знания для решения многообразных задач развития

производства, банковского дела и т.п., но может — и для нанесения весомого ущерба экономике конкретной организации, фирмы, интересам и материальному благополучию людей. Речь идет о целом новом секторе преступных проявлений — преступности в сфере информационных технологий, так называемой киберпреступности. Для совершения антиправовых действий в этой сфере действительно надо обладать немалыми знаниями, способностями, даже талантом.

Этот вид преступности все более характерен для абсолютного большинства стран. Международными экспертами по кибернетической безопасности *Cybersecurity Ventures* подсчитано, например, что в мире с января по август 2019 г. кибератаки происходили каждые 14 секунд. Продолжился рост количества случаев мошенничества с использованием технологий социальной инженерии — по итогам 2018 г. специалистами Сбербанка России уже был отмечен рост этого вида преступлений в сравнении с предыдущим годом на 6 %. В феврале 2018 г. аналитики антивирусной компании *McAfee* подсчитали, что в 2017 г. мировой ущерб от киберпреступлений составил около 600 млрд дол., или 0,8 % мирового ВВП, увеличившись примерно на 35 % по сравнению с 2014 г. [17].

Среди факторов, обусловивших упомянутый рост, специалисты называют все более изощренные хакерские атаки, расширение рынка этих специфичных криминальных услуг и распространение криптовалют. Кража интеллектуальной собственности, в частности незаконное скачивание фильмов, музыкальных произведений, книг, составляла как минимум четвертую часть ущерба от всех киберпреступлений в 2017 г., сообщается в отчете, подготовленном *McAfee* в партнерстве с Центром международных и стратегических исследований (Center for Strategic and International Studies, CSIS). В 2019 г. одним из главных вызовов также стали утечки данных корпораций в результате целевых атак на гаджеты и компьютеры их сотрудников. С увеличением числа кибератак возрастает и причиняемый ими ущерб. Если в 2018 г. убытки компаний различных секторов экономики в мире составили 1,5 трлн дол., то в 2019 г., по прогнозу Сбербанка, они достигнут уже 2,5 трлн. К 2022 г., по оценке Всемирного экономического форума, сумма планетарного ущерба от кибератак может вырасти до 8 трлн дол. [17].

Данные уголовной статистики, социологических исследований свидетельствуют, что и в России растет число киберпреступлений, фиксируется все более изощренное мошенничество с использованием самых передовых технологических приемов. За семь месяцев 2019 г., например, выявленные преступления в сфере компьютерной информации выросли в сравнении с аналогичным периодом прошлого года на 12,6 % [11, с. 23]. Совершенно очевидно, что такие виды преступности могут совершаться так называемыми продвинутыми пользователями, способными обходить различные, даже новейшие, виды защиты информации, размещенной в социальных сетях и на сайтах организаций.

В этой связи можно вспомнить на первый взгляд парадоксальное суждение Э. Дюркгейма, который утверждал, что «индивидуальность должна иметь возможность выразить себя. Чтобы получила возмож-

ность выражения индивидуальность идеалиста, чьи мечты опережают время, необходимо, чтобы существовала и возможность выражения индивидуальности преступника, стоящего ниже уровня современного ему общества» [5, с. 42]. Когда говорится о том, что индивид находится ниже некоего уровня, то важно понять, ниже какого именно. В данном случае речь, конечно, идет о степени соблюдения или несоблюдения моральных принципов и действующих в данный момент законов. Социолог обращает внимание на своего рода возможную зеркальность использования задатков и способностей человека: талант может идти на благо людям и обществу, но он может быть и криминальным, разрушающим позитивные взаимодействия, вызывающим недоверие среди людей, наносящим им моральный и материальный ущерб. Несколько неожиданной выглядит и мысль К. Маркса о том, что «изобретая все новые средства покушения на собственность, преступление вызывает к жизни все новые средства защиты собственности и этим самым в такой же мере стимулирует производство...» [8, с. 394]. Примечательна в данном случае своеобразная интерпретация применительно к общественным явлениям известного физического закона, который определяет, что сила действия равна силе противодействия.

Нелишним будет вспомнить и точку зрения известного криминолога А. Ничефоро. Он описал своего рода закономерность, показав, что преступные действия на протяжении истории эволюционируют от насилия к хитрости. Интриги и спекуляции выглядят все более выгодным предприятием, чем жестокость [22, р. 252]. Жульническая манипуляция с картами может принести большую выгоду, нежели честная игра, но и нежели разбойное нападение [22, р. 255]. Работа, в которой содержатся эти сентенции, написана в 1949 г., когда, понятно, ни о каких компьютерных мошенниках и речи быть не могло. Сказанное совсем не означает, что примитивное насилие исчезло из общественной жизни. Но, те, кто обладает все большим социальным капиталом, специфическими знаниями и навыками, предпочитают действовать именно хитростью, обманом.

На наш взгляд, социологам еще предстоит интерпретировать с помощью методологических приемов своей науки категорию «соблазн», которая в настоящее время является скорее психологическим или даже сугубо этическим понятием. Но становится все более очевидным, что когда в жизни общества все в большей мере доминируют деньги, а само понятие успеха связывается только с этим видом ресурсов, растет искушение любыми способами использовать свой социальный капитал для получения финансовых средств. Особенно это характерно для ситуации, когда большинство источников социальной информации настойчиво демонстрируют, что именно обладание материальными благами делает человека успешным.

Выводы

Имеются все основания прийти к следующему заключению. Во-первых, современное общество, включая, разумеется, и российское, делается все более грамотным. Причем само понятие *грамотность* в настоящее

время насыщается все более новым содержанием, давно включая не только умение писать, читать, считать, но и активное использование достижений электронной культуры. Из этого следует, что наполнение социального капитала также необходимо увязывать с такими его элементами, как умение использовать разнообразные компьютерные программы, оперировать большим объемом информации, осуществлять ее поиск в Интернете. Во-вторых, важным для человека нам представляется не только обладание все более емким социальным капиталом, но и вектор его своеобразного инвестирования. Речь идет о том, для каких целей, гуманных или нет, моральных, законных или нет, использует свои компетенции человек. В-третьих, использование социального капитала личностью во многом определяется состоянием социальной среды. С одной стороны, само состояние нравственности в социуме, общая атмосфера в нем могут в большей мере востребовать позитивные качества личности, что обуславливает использование индивидом своего капитала. Но с другой — может быть зафиксировано и обратное, когда доминирующее и даже навязываемое стяжательство, превратно понимаемая и пропагандируемая свобода, которая сродни анархистскому своеволию, может актуализировать применение упомянутого капитала в антисоциальных целях.

Список литературы

1. Блок М., Головин Н.А. Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Социология. 2015. №4. С. 99–111.
2. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология: электронный журнал. 2002. Т. 3, №5. С. 60–74.
3. Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии. М., 2004.
4. Давыдов Д.А. Социальный капитал как общественное благо: проблема концептуализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Социология. 2016. №3. С. 20–33.
5. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 39–44.
6. Заславская Т.И. Решающее условие ускорения социально-экономического развития // ЭКО. 1986. №3. С. 12–19.
7. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 121–139.
8. Маркс К. Апологетическая концепция производительности всех профессий // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1962. Т. 26, ч. 1. С. 394–395.
9. Олейник А. Сценарии институционального развития переходного общества // Мировая экономика и международные отношения. 1996. №7. С. 22–34.
10. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
11. Состояние преступности в России за январь — июль 2019 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://мвд.рф/reports/item/17926489/> (дата обращения: 01.09.2019).
12. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М., 2004.

13. Хедоури Ф., Альберт М., Мескон М. Основы менеджмента. М., 2006.
14. Человеческий потенциал как критический ресурс России / под ред. И. Т. Фролова. М., 2007.
15. Becker G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. N. Y., 1975.
16. Beilmann M., Kööts-Ausmees L., Realo A. The relationship between social capital and individualism-collectivism in Europe. Social Indicators Research. URL: <http://wrap.warwick.ac.uk/100224/1/WRAP-relationship-social-capital-Europe-Realo-2017.pdf> (дата обращения: 11.09.2019).
17. Cybersecurity Ventures: Потери организаций от киберпреступности. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 02.09.2019).
18. Hanifan L.J. The Rural School Community Centre // Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. 1916. Vol. 67. P. 130–138.
19. Lippé M., Du Bois P.M. Building Social Capital without Looking Backward // National Civic Review. 1997. Vol. 86. P. 119–128.
20. Likert R. The Human Organization. N. Y., 1967.
21. Loury G. A Dynamic Theory of Racial Income Differences // Women, Minorities, and Employment Discrimination. Lexington, 1977. P. 153–188.
22. Niceforo A. L'io profondo e le sue maschere: psicologia oscura degli individui e dei gruppi social. Miiano, 1949. URL: <http://www.byterfly.eu/islandora/object/librib:759342#page/214/mode/2up> (дата обращения: 31.08.2019).
23. Putnam R. The Prosperous Community. Social Capital and Public Life // The American Prospect. 1993. Vol. 4. URL: <http://prospect.org/article/prosperous-community-socialcapital-and-public-life> (дата обращения: 05.09.2019).
24. Robison L.J. The Relative Importance of Selfishness and Social Capital Motive // The Journal of SocioEconomics. 2012. Vol. 41, №1. P. 118–127.

Об авторе

Владимир Вениаминович Кривошеев — д-р социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

The author

Prof. Vladimir V. Krivosheev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru